

ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ. ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

Приходится сразу же констатировать: византиноведение на петербургской почве – это один из “продуктов” того культурного переворота, который совершился в России в результате петровских реформ. Парадоксально, но факт: именно в тот исторический момент когда, казалось, была окончательно разорвана “родовая пуповина”, соединявшая российскую государственность, церковность и русскую культуру с традициями “византинизма”¹, появляется осознание “востребованности” в объективном знании об истории древней христианской империи, которая в сознании всякого русского отождествлялась не иначе как с понятием “духовной родины”. И как многое другое в русской науке того времени, изначально петербургская византистика предстает перед нами в ясно выраженной иностранной “упаковке”, будучи связанной с деятельностью учрежденной в 1725 г. Академии наук, почти исключительно немецкой по своему составу.

“Первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле” (выражение Ф.И. Успенского)² были академики И.П. Коль (вскоре, правда, уехавший по болезни из России), Зигфрид Байер (1694–1738), Герард-Фридрих Мюллер (или Миллер) (1705–1783), Август-Людвиг Шлёцер (1735–1809), Иоганн-Готтлиб Штриттер (1740–1801), Иоганн-Филипп (в России – Филипп Иванович) Круг (1764–1844), которые, пройдя у себя на родине “более или менее правильную школу” (выражение В.П. Бузескула), принесли с собой в Россию “научный критический метод”, выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой³. Восприняв “близко к сердцу” поставленную перед Академией наук задачу – исследовать корни русской истории, академики пришли к необходимости заняться исследованием и византийских источников по истории IX–X вв. в связи с вопросом об образовании русского государства и крещения Руси.

Так, Байер, занявшись историей варягов, первым нападением русских на Константинополь и установлением точных данных о первоначальной географии Руси, обратился к изучению такого важнейшего источника, как сочинение Константина Багрянородного “Об управлении империей” (в издании Меурсия), откуда он и заимствовал “неожиданные аргументы” (выражение Н.Г. Попова) для отрицания славянского происхождения Руси, явившись основателем так на-

¹ По убеждению В.Н. Бенешевича, “и в настоящее время еще далеко не всеми осознано то, что при Петре произошла в русской церкви настоящая революция, несколько не меньшая по своему значению и объему, чем протестантское движение XII века” (ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 40).

² Успенский Ф.И. Из истории византиноведения в России // *Анналы*. 1922. Т. I. С. 115.

³ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в IX и начале XX века // *Составление, вступит. ст., подготовка текста и комментарии И.В. Тункиной*. СПб., 1993 (машинопись). С. 5.

зываемой “норманской теории”. Но если он ограничивался собиранием и извлечением известий лишь из одного византийского источника, то Шлёцер⁴ уже настаивал на необходимости полного собрания всех известий, рассеянных у византийских историков, для изучения истории народов, обитавших по Днепру, Дону, Волге и у Кавказа, на необходимости углубленного изучения византийской истории как по причине ее собственного значения, так и особенно ради ее важности для познания византийского элемента в русской истории. “Русский ученый, – говорит он в своем “Несторе”, – это тот, кому дано ближайшее призвание – вновь разбудить беспризорную византийскую литературу. На протяжении всего средневековья в России было все византийским: религия и суеверия, науки и искусства, законы и наказания, да и многие нравы и пороки перенесены из Константинополя в Киев”⁵. Далее он высказывает сожаление, что греческий язык не получил доступа в светские и церковные училища, где византийскую летопись Кедрина должны были бы читать с таким же усердием, как Корнелия Непота, а в своей автобиографии подчеркивает: “Главною моею темою было неслыханное со времен Байера дело, что русский исследователь должен знать по-гречески и преимущественно перед всеми изучать византийцев”⁶. Шлёцер высказывал даже пожелание об учреждении особого “департамента” из ученых для обработки византийских памятников, а своею статьей “*Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus*” (1764) он подал добрый пример, дав образец восстановления двух темных мест “Нестора” при помощи греческого текста Кедрина.

Задачу, сформулированную Шлёцером – полное собрание всех известий, рассеянных у византийских авторов, по истории разных народов, населявших в древности территорию России, по поручению Академии наук постарался осуществить Штриттер⁷. При содействии академиков Миллера, Фишера и особенно самого Шлёцера Штриттер опубликовал в Санкт-Петербурге свой обширный четырехтомный труд⁸, в котором были собраны и в хронологическом порядке расположены сведения византийских авторов о древних обитателях Руси и соседних народах (в томе I – о готах, вандалах, гепидах, лангобардах, герулах, гуннах и аварах; в томе II – о славянах, сербах, моравах, боснийцах, болгарях, валахах, руссах, поляках, литовцах, пруссаках, чехах и других менее известных племенах; в томе III – о татарах и др.; в томе IV – о лазах, авазгах, свенах, мессах, иверах, аланах, варягах, даках, скифах, сарматах, массагетах и т.д.), в латинском переводе, с предисловием (в нем дан очерк истории Византии по “*Apparatus historiae byzantinae*” Лаббе), примечаниями, комментарием, иногда с подлинными

⁴ См., о нем: Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 372–373 (статья Г.Н. Моисеевой).

⁵ *Schlözer A.L. Nestor: russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt.* Göttingen, 1802. Bd. II. S. 149. Этот пятитомный (1802–1809) труд Шлёцера был переведен на русский Д. Языковым: “Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером” (СПб., 1809–1819. Т. 1–3).

⁶ A.L. Schlözer's *Öffentliches und Privat-Leben.* Göttingen, 1802. S. 202.

⁷ См. о нем: Славяноведение в дореволюционной России. С. 375 (статья А.Н. Горянова и Д.Е. Москаленко).

⁸ *Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontium Euxinum, paludem Maeotidem, Caspium, mare Caspium et inde magis ad Septentrionem incolentium, e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae a I.G. Strittero.* Petropoli, 1771. Т. I; 1774. Т. II; 1778. Т. III; 1779. Т. IV. Ср. русский перевод, выполненный Вас. Прок. Световым: “Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселение народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером” (СПб., 1770–1775. Т. 1–4).

цитатами на греческом языке, с подробнейшим историческим и географическим указателем (на 308 страницах), – “Геркулесов труд, очень редко цитируемый, можно даже сказать, погребенный в небытие, но и сейчас еще (т.е. в 1900 г. – *И.М.*) весьма полезный для поиска цитат”⁹.

Разумеется, отмеченные “начатки” научного византиноведения на петербургской почве были еще далеки от совершенства. Критический анализ привлеченных к рассмотрению текстов был еще достаточно беспомощным (так, Штриттер вообще не ставил перед собой задачи выверки точных дат по параллельным источникам, работая по парижским и венецианским изданиям XVII–XVIII вв., а Шлёцер, которого В.С. Иконников называл “отцом исторической критики”¹⁰, именно в главном своем труде о летописи Нестора, т.е. в сущности о “Повести временных лет”, не смог даже предположительно решить основных проблем, связанных с атрибуцией памятника, с его зависимостью от хроники византийского монаха Георгия Амартола, и т.д.). По мнению Ф.И. Успенского, возможности первоначального петербургского византиноведения ограничивало и то обстоятельство, что “за небольшими исключениями, оно имело прикладной характер и шло не всегда планомерно и систематично, насколько помогало разъяснению и обработке древней русской истории”¹¹.

Действительно, все названные труды только отчасти касались Византии, не имея к ее истории прямого отношения. Первыми специальными исследованиями, посвященными Византии, можно в какой-то мере считать труды академика Ф.И. Круга, “составившие некоторым образом эпоху в изучении византийской хронологии”¹², долгое время остававшейся “ахиллесовой пятой” не только российского, но и западного византиноведения. Важнейший труд Круга в этой области – “Критический опыт объяснения византийской хронологии, с особым вниманием к ранней истории России”¹³. Как видим, и у Круга подход к изучению византийских памятников был со стороны русской истории. Тем не менее, сосредоточившись главным образом на изучении византийских хронистов Феофана, Никифора и Симеона Логофета, он внес значительный и общепризнанный вклад в выверку точных хронологических дат и в пересмотр господствовавших тогда в науке взглядов на византийскую хронологию таких авторитетов как Дюканж, Пажи и др. По словам В.Н. Бенешевича, книга Ф.И. Круга “возбудила большой интерес за границей, где все сразу оценили важность ее не только для установления ряда дат, но и для оценки ряда исторических событий IX–X вв. для византийской и русской истории. Книга явилась, как результат настояний Шлёцера, который требовал, чтобы Круг проверил его хронологические выводы и

⁹ *Palmieri A.* Gli studi bizantini in Russia. Roma, 1900. P. 32. С оценкой итальянского историка интересно сопоставить точку зрения Бенешевича, который отмечает, что труд Штриттера «даже до сих пор (т.е. до 30-х годов XX в. – *И.М.*) не потерял своего значения в качестве основного ориентировочного пособия. А в конце XVIII и до половины XIX в. он служил основным источником сведений для справок в византийских источниках; “История Государства Российского” Карамзина базируется целиком на Штриттере». См.: *Бенешевич В.Н.* Лекции по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 598.

¹⁰ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. С. 37.

¹¹ *Успенский Ф.И.* Из истории византиноведения в России. С. 115.

¹² *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России... С. 37 (со ссылкой на мнение таких зарубежных авторитетов как Шлоссер, Геерен, Газе).

¹³ *Krug Ph.* Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1810. 8°. XVI + 326. Печатный экземпляр книги с авторскими поправками и дополнениями сохранился в Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 38).

исторические утверждения; но Шлёцер умер до появления книги, и некому было указать на ее значение для изучения истории древней Руси. Хотя знаменитый Геерен назвал книгу Круга “фениксом в новейшей исторической литературе” (Gött. Ges. Anz. 1811 № 173), однако ни Академия наук, ни Карамзин, ни Полевой, ни другие историки древней Руси не обратили надлежащего внимания на исследование Круга, и только в 1834 г. появились переводы на русский¹⁴. Неудача эта так повлияла на Круга, что он после 1810 г. уже не издал больше значительных трудов, и только после его смерти появился в 1848 г. сборник его трудов¹⁵, причем оказалось, что некоторые открытия сделаны им задолго до того, как их сделали другие”¹⁶.

Действительно, в архиве ученого сохранились датированные рукописи статей, вошедших позднее в отмеченный сборник, например, статей “Табель о рангах в поздней Греции (читай: в Византии. – И.М.) в сопоставлении с таковой же в древней Руси” (12 октября 1814 г.)¹⁷, “Об одном древнем северном празднике (святки), который в X в. праздновался и при дворе в Константинополе под названием Τὸ Γοτθικόν” (15 марта 1815 г.)¹⁸, а также неопубликованной заметки “Выдержки из греческой хроники монаха Георгия по прозванию Амартол, с переводом из нее в летописи Нестора” (10 января 1827 г.)¹⁹ и отдельно опубликованного очерка “Византийская Хронология в правление императоров Льва, Александра, Константина Порфирородного, Романа Лакапена и Романа Порфирородного, с 30 авг. 886 г. по 15 мая 963 г.” (20 декабря 1809 г.)²⁰.

Говоря об академике Круге, следует отметить, что, в отличие от своих коллег-соотечественников, он очень быстро и органично вошел в научную среду Петербурга (до этого он был воспитателем сына графини Орловой, вдовы гр. И.Г. Орлова, прибыв в Москву из Германии в 1794 г.), в короткое время изучил русский язык и фактически стал проводить политику “русификации” Академии наук: “Русские академики, – говорит он в письме от 19 апреля 1805 г.,

¹⁴ Один из них: Критический опыт в объяснении византийской хронологии, в особенности относительно к древней Русской истории, Филиппа Круга. Перевел с немецкого Д. Языков. СПб., 1834 (в Отделе рукописей БАН хранится рукопись этого издания: ОР БАН. Осн. хранение 27.1.60. Инв. № 1705).

¹⁵ Имеется в виду сборник статей Ф.И. Круга, подготовленный и опубликованный А.А. Куником, предпославшим двухтомнику замечательный очерк о Круге, которым главным образом и пользуется В.Н. Бенешевич. См.: *Krug Ph. Forschungen in der ältern Geschichte Russlands. St.-Petersburg, 1848. Th. I–II.*

¹⁶ *Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 599.*

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 7: Ueber die Rangordnung in spätem Griechenland, verglichen mit der im frühern Russland (= Forschungen. Th. II. S. 567–577).

¹⁸ Там же. Д. 8: Ueber das alte nordische Julfest, welches im X. Jh. unter dem Namen Τὸ Γοτθικόν auch am Hofe in Konstantinopol gefeiert ward (= Forschungen. Th. II. S. 537–558).

¹⁹ Там же. Д. 29: Stellen aus der Griechischen Chronik des Mönchs Georg, mit dem Beinamen Hamartolus, nebst deren Uebersetzung in Nestors Jahrbüchern, mit Anmerkungen (= Forschungen. Th. I. S. 135–215). В статье А. Пальмиери эта работа Круга ошибочно отмечена как опубликованная, причем, по какому-то недоразумению, указываются даже страницы (Forschungen. Th. I. S. 135–215), на которых содержится совсем другой материал: *Palmieri A. Gli studi bizantini in Russia. P. 21.* Именно об этих “выписках” спрашивал Ундольский в письме к А.А. Кунику от 7 сентября 1855 г.: “Не уцелело ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола, сообщенных г. Бодянскому, – он не может их найти или не желает сообщить мне их” (*Медведев И.П. Письма В.М. Ундольского к А.А. Кунику в С.-Петербургском филиале Архива РАН // ТОДРЛ. 1996. Т. 50. С. 807.*)

²⁰ Там же. Д. 3: Chronologie der Byzantiner während der Regierung der Kaiser Leo, Alexander, Konstantin Porphyg., Roman Lakepen und Roman Porphyg. in dem Zeitraum vom 30 August bis 15 May 963, berichtet von Ph. Krug.

имея при этом в виду “русских” академиков немецкого происхождения, – стараются понемногу (и как мне кажется, вполне обоснованно, ибо мы ведь находимся в России) заполнить все места (в Академии. – *И.М.*) русскими, насколько это возможно”²¹. Став доверенным лицом графа Н.П. Румянцева по связям с европейскими научными центрами (прежде всего Францией) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, он свел его с парижским эллинистом Карлом-Бенедиктом Газе, который фактически был “ангажирован” русским канцлером: по его поручению и при его щедрой финансовой поддержке Газе подготовил и выпустил в 1819 г. в свет с латинским переводом, комментариями и приложениями “Историю” одного из крупнейших византийских писателей второй половины X в. Льва Диакона, ценнейшего и интереснейшего источника не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси: балканские войны киевского князя Святослава в 968–971 гг. составляют один из основных сюжетов его сочинения²².

Ф.И. Круг, который был инициатором этого издания и неотступно следил за всеми перипетиями его подготовки (об этом свидетельствует его обширная переписка с К.Б. Газе и с самим Н.П. Румянцевым)²³, явился, таким образом, подлинным *spiritus rector* первого издания “Истории” Льва Диакона. К сожалению, экземпляры его тут же стали исключительной библиографической редкостью, так как судно “Меркурий”, на котором отправлено было в Россию 125 экземпляров, затонуло во время бури (вскоре, впрочем, издание Льва Диакона почти со всеми комментариями Газе было воспроизведено в нибуrowsкой серии “*Cogrus scriptorum historiae byzantinae*”, 1828). Не догадывался еще Круг (как и последующие поколения историков-византистов) о том, что его подопечный (Газе), соблазненный щедрыми посулами Н.П. Румянцева (за издание “Истории” Льва Диакона К.Б. Газе удостоился избрания членом-корреспондентом в Академию наук, награждения орденом св. Владимира 4-й степени и солидного гонорара), решился на достаточно бесчестный поступок – на изготовление фальсификата, изобретая печально знаменитую “Записку готского топарха” и опубликовав ее в составе своих “образцовых” комментариев к изданию Льва Диакона²⁴. А ведь Газе получил также щедрые субсидии на подготовку к печати сочинений Михаила Пселла, Георгия Амартола, Никифора Григоры, Григория Паламы и других византийских авторов²⁵, но смерть гр. Румянцева в 1826 г. приостановила осуществление этих замыслов и прежде всего мечты Круга – издания Георгия Амартола (при его жизни, в 1838 г., эта хроника в очень неудовлетворительном виде появилась в боннском “*Cogrus scriptorum historiae byzantinae*”).

Следует также отметить, что Ф.И. Круг оказался инициатором издания не только “греко-латинского” Льва Диакона, но и “русского”: как свидетельству-

²¹ *Krug Ph. Forschungen...* Th. I. S. XXVI.

²² Подробно об этом см.: *Медведев И.П.* Неизвестные материалы по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61 (86). С. 5–23.

²³ ПФА РАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21 (47 писем Газе за 1814–1826 гг. Д. 74 и 115 (письма Н.П. Румянцева); Оп. 1. Д. 138 (отпуска писем Круга к разным лицам, среди которых К.Б. Газе и Н.П. Румянцев) и др. Письма Газе подготовлены нами к изданию в подлинном виде.

²⁴ *Ševčenko I.* The Date and Author of the so Called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. 1971. Vol. 25. P. 155–188 + Plates 1–28. О наших собственных наблюдениях по этой теме, а также нашей догадке в отношении литературного источника, использованного Газе при воссоздании событий, запечатленных в “Записке”, см.: *Медведев И.П.* Ιστορία ενός τλαστογραφίματος: ο λευόμενος Toparcha Gothicus // BYZANTINA. 2000. Т. 21. Σ. 237–249.

²⁵ О наиболее “продвинутом” из названных издательских проектов – “Хронографии” Пселла – см.: *Медведев И.П.* Малоизвестный проект первого издания “Хронографии” Михаила Пселла // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 183–191.

ют материалы архива ученого, именно он, с согласия Н.П. Румянцева и при посредстве первого директора Имп. Публичной библиотеки А.Н. Оленина, заключил контракт с известным петербургским филологом-эллинистом Д.П. Поповым на русский перевод “Истории” Льва Диакона (сумма гонорара была оговорена в 700 рублей), с чем тот, будучи блестящим знатоком классических языков, успешно справился²⁶. Тем самым было положено начало большой работе по переводу византийских источников на русский язык²⁷, и здесь мы сталкиваемся с совершенно забытым “византийским проектом” Российской Академии (не путать с Академией наук), материалы которого совсем недавно обнаружены в С.-Петербургском филиале Архива РАН²⁸.

В рамках обширной темы, разработку которой Российская Академия поставила себе целью и которую условно можно было бы обозначать как “Россия глазами иностранцев”, Академия с 1837 г., по инициативе ее президента А.С. Шишкова, приступает к реализации плана по изданию в переводе на русский язык целого корпуса трудов византийских историков и хронистов²⁹, заключив с этой целью контракты с такими квалифицированными переводчиками с греческого как уже известный нам эллинист Д.П. Попов (он имел намерение заново издать свой исправленный перевод “Истории” Льва Диакона, а кроме того “De segetoniis” Константина Багрянородного и “Историю” Агафия), дипломат (“природный грек”) С.Ю. Дестунис (4 тома сочинений Прокопия Кесарийского), библиотекарь Гидрографического департамента министерства А. Огинский (Иоанн Малала, Никита Хониат, Никифор Вриений, Иоанн Киннам), священник Ксенофонт Делекторский (Феофилакт Симокатта и Генесий), преподаватель духовной семинарии С.А. Гадахов (Георгий Синкелл), Д. Успенский (Георгий Пахимер, Михаил Глика) и др. И хотя работа по переводу “византийцев” успешно продвигалась вперед, а подготовленные тексты доставлялись в Академию и рассматривались специальной комиссией (представили свои переводы С.Ю. Дестунис, А. Огинский, Д.П. Попов, К. Делекторский, Д. Успенский), проект остался неосуществленным: в связи с указом Николая I от октября 1841 г. о присоединении Российской Академии к императорской Академии наук министром народного просвещения С.С. Уваровым было предписано прекратить все работы по переводу на русский язык византийских историков и “приведа немедленно в известность, сколько и каких именно творений приведено переводом к окончанию, сколько из них не кончено, с показанием, на чем именно остановил-

²⁶ Об этом см.: *Медведев И.П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // Сб. статей к 75-летию акад. Г.Г. Литаврина (в печати).

²⁷ Н.Г. Попов утверждает, что Ф.И. Круг “высказывался против перевода византийских хроник на русский язык, полагая, что для дилетантов такой перевод оказался бы мало интересным, а для ученых, которых должны знать греческий язык, совершенно бесполезным; зато Круг всячески содействовал изданию этих хроник в подлиннике” (*Попов Н.* Начало византиноведения в России // Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 443). Не споря о последнем (да и о первом тоже, ибо и мы недалеко от такой точки зрения), отметим все же, что история с изданием “русского Льва Диакона” не совсем “вяжется” с подобным утверждением. Наверное все-таки Ф.И. Круг допускал полезность таких переводов.

²⁸ *Файнштейн М.Ш.* Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие русских византистов...* С. 521–536.

²⁹ Раздавались даже голоса о том, что “переводы сии” следовало бы печатать “вместе с подлинными текстами и с надлежащими к тому азбучными указателями дел, имен и речений, содержащихся в тех сочинениях – по примеру издания классиков ad usum Delphini” (в письме А.Н. Оленина к Д.И. Языкову от 9 января 1837 г., см.: Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. Д. 155. Л. 6–7 об.).

ся перевод и сколько затем еще не начато, представить мне о том подробные сведения для доклада его Императорскому Величеству”³⁰. И если, например, рукописи переводов Спиридона Дестуниса сохранились, а некоторые из них позднее (как стараниями самого С. Дестуниса, так и главным образом трудами его сына Г.С. Дестуниса) были доведены до опубликования, то судьба большинства других до сих пор остается невыясненной.

Характеризуя начальный этап петербургского византиноведения, нельзя, конечно, не упомянуть и имя барона Густава Андреевича Розенкампа (1764–1831)³¹, выходца из Лифляндии, потомка шведского офицера, знатока юриспруденции (закончил Лейпцигский университет), участника, главного секретаря и первого редактора Государственной комиссии по составлению законов Российской империи (с 1808 г. работал под начальством гр. М.М. Сперанского). Будучи уволенным в 1822 г. из Комиссии (без содержания и пенсии) и живя где-то на Садовой улице, Розенкамп целиком погрузился (при содействии присланного ему в помощь Н.П. Румянцевым талантливого эллиниста, студента СПб. университета В.С. Печерина) в изучение кормчих книг, проделав колоссальную работу по обследованию их рукописной традиции, завершившуюся монографическим исследованием этой темы³². Естественно, что при этом Розенкамп не мог не уделить внимания и изучению основных греческих источников древнеславянской кормчей, прежде всего – византийских номоканонов. Он, правда не посвятил им специальных исследований, но в исторической части своей монографии, в своем неизданном очерке “*Sur les Basiliques*”, в других неопубликованных материалах (пяти его французских письмах к гр. Н.П. Румянцеву, обширной переписке с европейским “светилом” в области истории византийского канонического права Ф.А. Бинером, а также с российскими коллегами – киевским митрополитом Евгением Болховитиновым, дерптским канонистом Г. Эверсом и др.)³³, он предстает как неплохой для своего времени знаток византийского права. Создается, впрочем, впечатление, что, живя уединенно, Розенкамп стоял в стороне от “исканий” петербургских “византинистов” (хотя задача, которую он решил в своем исследовании – “критический разбор материалов и сравнение источников как греческих, так и русских”³⁴, – должна была бы роднить его с ними), будучи скорее связан с румянцевским кружком московских историков и археографов, которые и издали сперва его главное исследование, избрав его к тому же почетным членом Московского университета и Московского общества истории и древностей российских. Любопытно отметить и свидетельство М.П. Погодина, лично знавшего Розенкампа и посещавшего его в Петербурге, о том, что тот был “настроен против немцев: мы можем ходить уже не на помочах, говорил Розенкамп”³⁵.

Тем не менее, традиции, заложенные “немецким” академическим византиноведением, были все же определяющими в становлении петербургской “шко-

³⁰ *Файнштейн М.Ш.* Из истории отечественной византистики... С. 532.

³¹ О нем см.: *Майков П.* Розенкамп Густав Андреевич, барон // *Русский биографический словарь.* СПб., 1913. Т. 16. С. 365–371; *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978 (см. указатель имен).

³² *Обозрение Кормчей книги в историческом виде.* Соч. Барона Розенкампа // *Издано Обществом истории и древностей российских при Имп. Московском университете.* М., 1829. Изд. 2-е, “со многими примечаниями и прибавлениями, начатое сочинителем, а по кончине его изданное В.А. [Анастасевичем]” (СПб., 1839; со снимками, издано только 100 экземпляров).

³³ ОР РНБ. Ф. 648. Д. 1–2.

³⁴ *Обозрение Кормчей книги...* С. 1–2.

³⁵ Цит. по: *Майков П.* Розенкамп Густав Андреевич... С. 366.

лы”, по крайней мере вплоть до 70-х годов XIX в. Сохранялась завещанная академиком Кругом проблематика: приоритетными считались исследования в области византийской хронологии и хронографии.

Как известно, еще при жизни Круга и по его инициативе Академия наук дважды (в 1809 и 1811 гг.) объявляла конкурс на соискание премии с целью создания “полной, по возможности выверенной и исправленной хронологии византийских авторов, с основания Константинополя и вплоть до его завоевания турками”, – безрезультатно, ибо не нашлось ни одного соискателя. “Удивляться тут вовсе нечему, – резюмирует ситуацию А.А. Куник, – надобно сказать прямо: Круг требовал невозможного (...). Он не умел вполне измерить объема и трудности предложенной им задачи, потому именно, что сам он, как исторический исследователь, разделял недостатки своего времени и потому не мог еще совершенно стать на критическую точку зрения, которая в то время только что начинала прокладывать себе дорогу в область исторической науки (...). Критическая оценка исторических источников в смысле особенностей исторической науки, существовала тогда больше в идее, чем в действительности”³⁶.

Однако в 1848 г. Академия наук снова объявила конкурс – на создание “труда, способного служить главным образом путеводителем в будущих исследованиях славянских хронографов и их связей с историками Византии, от которых они зависят еще больше, чем собственно славянские летописцы”, – и на сей раз более успешно, ибо на призыв откликнулся такой опытный и уже широко известный своими достижениями в области каталогизации греческих рукописных фондов Имп. Публичной библиотеки автор, как Эдуард Гаспарович Муральт (1808–1895)³⁷. Швейцарец по происхождению, Муральт в 1833 г. прибыл в Петербург, сдал экзамены в Петербургском университете по греческому и латинскому языку, получив диплом домашнего учителя, а в 1838 г., по ходатайству А.Н. Оленина, был принят в Имп. Публичную библиотеку на должность библиотекаря (в своем прошении Муральт писал, что с юных лет мечтал изучать греческие и латинские рукописи в этой богатейшей, после Ватиканской и Парижской, библиотеке), с заданием “разбирать вверенные ему рукописи и сочинять оным каталоги, по тому порядку, какой им от директора предписан будет”. И уже в начале 1840 г. каталог греческих рукописей ИПБ, в количестве 500 экземпляров, был напечатан в типографии Академии наук³⁸. Он представлял собой описание рукописей, разделенных по содержанию на две большие части: 1. *Codices ecclesiastici* и 2. *Codices profani*, каждая из них в свою очередь состояла из подразделов, обозначенных заглавными буквами (в части первой: A. *Scriptorae sacrae*, B. *Juris ecclesiastici*, G. *Patrum ecclesiastici*, D. *Hymnologia*, во второй: E. *Poetae*, F. *Philosophi*, Oratores, Medici, G. *Grammatici*). Весьма критично оценивший позднее каталог Муральта В.Н. Бенешевич (“ведь Муральт только

³⁶ [Куник А.А.]. Об обработке византийской хронографии. (По поводу сочинения Э. Муральта) // Уч. записки Имп. Академии наук по I и III отделениям. СПб., 1855. Т. II. Вып. 3. С. 467–468.

³⁷ См. о нем: Михеева Г.В. Муральт Эдуард фон (Эдуард Гаспарович) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 366–368; Вольфцун Л.Б. Эдуард Муральт и Императорская Публичная библиотека (по материалам Архива РНБ) // Рукописное наследие русских византинистов... С. 36–51.

³⁸ *Muralt E. de. Catalogus codicum Bibliothecae imp. Publicae graecorum*. SPb., 1840. Позднее дополненный и исправленный (в частности за счет рукописей из коллекции Тишендорфа) вариант каталога был опубликован Муральтом на французском языке: *Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque impériale publique de Saint-Petersbourg*. SPb., 1854.

с 1838 г. стал работать над рукописями молодым человеком, преувеличивавшим свои силы и слишком строго судившим чужие ошибки”) вынужден был все же признать: “Столь важные и существенные недостатки труда Муральта искупаются его громадными достоинствами. Описания рукописей поражают обилием палеографических наблюдений о каждом сколько-нибудь достойном внимании экземпляре и стремлением возможно точнее и подробнее охарактеризовать содержание их: тут видим и сличение текстов с печатным изданием, и издание их, и исследование, широко и глубоко поставленное (...). Поистине Муральт сделал столько, что его труд должен быть признан стоящим на уровне лучших европейских образцов, и ГПБ имеет право гордиться таким опытом каталогизации своего греческого фонда, с которым ни в какое сравнение не может идти ученейшего Маттеи *Assurata notitia* 1805 г. о греческом фонде Московской Синодальной Библиотеки”³⁹. Через Министерство иностранных дел каталог был разослан в крупнейшие научные центры Европы – Рим, Париж, Лондон, Вена, Цюрих, Дрезден, Берлин, Геттинген; получили по экземпляру также российские университеты и научные общества. Издание каталога стало, таким образом, событием в мировой науке.

Опуская здесь прочие статьи, заметки и публикации Муральта о греческих рукописях, помещавшиеся им как в российские периодические издания, так и зарубежные⁴⁰, обратимся к его двум наиболее крупным “византийским” проектам, принесшим ему международное признание, премии, награды орденами (Станислава 2-й степени, греческим орденом Спасителя 2-й степени), трижды – императорскими бриллиантовыми перстнями, почетное членство во многих научных обществах. Имеется в виду прежде всего уже упомянутые исследования Муральта в области византийской хронографии, отнявшие у него почти два десятилетия его жизни. Об этом довольно полное представление дает его обширная переписка с главным “куратором” и экспертом всех этих исследований со стороны Академии наук – с академиком А.А. Куником⁴¹. Будучи полностью в курсе всех перипетий, связанных с созданием этого труда, и фактически являясь его редактором, последний, как эксперт, публикует свои весьма критические отзывы еще на рукопись сочинения (в связи с выдвижением его на Демидовскую премию)⁴², а в 1855 г. труд выходит из печати⁴³. В предисловии подчеркивается, что автор сосредоточил в своем труде “в некоторых отношениях” гораздо больше материала и уделил ему гораздо больше исследовательского подхода, чем того требовала программа Академии (использовано более 100 авторов, из них извлечено более 6000 фактов, произведено сличение разных версий этих фактов, выявление самой древней версии и редакции, прослежено последующее видоизменение каждого источника); отмечаются оригинальная манера подачи

³⁹ ОР РНБ. Греч. 893: *Бенешевич В.Н.* Предисловие к каталогу греческих рукописей ГПБ. Машинопись. 1934–1937. Л. 3.

⁴⁰ Библиографию работ Муральта см.: *Михеева Г.В.* Муральт... С. 367–868.

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614: 32 письма Муральта к А.А. Кунику за 1853–1894 гг. Из них видно, что вся техническая сторона дела (связь с типографией, “держание корректур”, переписка нужных для работы рукописей и книг) осуществлялась Куником.

⁴² *Куник А.А.* Разбор сочинения Библиотекаря Императорской Публичной библиотеки д-ра Э. фон Муральта, под заглавием “*Essai de Chronographie Byzantine de 395 à 1057*” // Присуждение Демидовских наградений. 1854. Т. 23. С. 63–84.

⁴³ *Murali E. de.* *Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas – Empire et particulièrement à l'examen des chronographes slavons de 395 à 1057.* St.-Petersbourg, 1855 (отмечено: “Публикуется по постановлению Академии, в мае 1855. Непр. секретарь А. de Middendorf”). Типография Академии наук).

материала в форме регестов, использование параллельных, в том числе латинских, иногда и неизданных, источников для установления и выверки дат, расположение всей этой “rudis indigestaque moles” в сжатой форме и в хронологическом порядке с 395 г. по 1057 г., “исходя из того интереса, который эти факты могли иметь для истории России: все, что в повествованиях византийцев касалось России (на современном пространстве империи) и походов руссов за границу, должно было быть изображено полно; затем идут другие славяне и соседние с Россией народы”⁴⁴. Труд этот, недавно названный одним нынешним автором устаревшим⁴⁵, воспринимался современниками иначе: “Поблагодарите г. Куника за доставление мне каталога Миллера и Хронографии г. Муральта, – пишет 6 октября 1855 г. В.Н. Ундольский к П.С. Билявскому. – То и другое доставило мне истинное утешение. Последний труд, слишком, может быть, обыкновенный в Европе, для нас подвиг исполина”⁴⁶.

Работа Муральта над хронологической темой продолжалась и после его возвращения на родину (в 1864 г. он, уволившись со службы в ИПБ, по совету врачей уехал в Лозанну, где и оставался вплоть до смерти), причем по-прежнему в тесном контакте с Академией наук (персонально – с А.А. Куником) и с помощью ее субсидий, завершившись выходом в свет в 1871–1873 гг. двухтомника (с единой пагинацией), составленного по прежним принципам, с прежним названием, но с новой хронологией (1057–1453), логически продолжающей и завершающей прежнюю⁴⁷.

По-видимому, научный уровень труда не мог удовлетворить ни самого автора, ни его “духовного отца” А.А. Куника, так как планировалось его новое издание. В письме к Кунику из Лозанны от 3 октября 1894 г. Муральт пишет: “Дорогой друг! Я очень рад, получив от Вас совершенно неожиданно знак жизни, а также узнав, что Вы опять принимаете столь активное участие в труде, духовным отцом которого Вы, благодаря вашему побуждению, являетесь. Конечно, в высшей степени желательно, чтобы Вы сами пожелали и смогли взять на себя необходимую переработку (простая перепечатка вряд ли целесообразна) для нового издания. Покрытие расходов Академией было бы тогда обеспечено. Я сам, с моими 86 годами, не могу переложить бремя этих расходов на моих близких, не могу из-за ослабленного зрения вести умственную работу, особенно же сообщать мои дополнения письменно. Мне приходится очень сожалеть, что молодой византист Регель⁴⁸ не соглашается на это и рассматривается Вами как неподходящая кандидатура. Прежде всего нужно было бы найти в С.-Петербурге или России какого-то другого историка, сведущего в греческом и французском, а это Вам скорее возможно, чем мне. Затем можно было бы, благодаря Вашему ходатайству, задействовать Академию, чтобы получить от нее субсидию по крайней мере на продолжение работы. Пребываю в старой

⁴⁴ Ibid. P. V.

⁴⁵ Бибииков М.В. Афон в свидетельствах семи столетий (рецензия) // Россия и Христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 258.

⁴⁶ Истрин В.М. Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящиеся в Имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. 26.

⁴⁷ Muralt E. de. Essai de chronographie byzantine 1057–1453. Bale et Genève, “H. Géorg, Libraire-éditeur”, St.-Petersbourg, “Eggers et comp., Libraires de l’Académie des sciences”. 1871, 1873. Т. I.–II. 939 p. В Петербург было отправлено 100 экземпляров (для Академии наук) и 1 экземпляр для Археологической комиссии (ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Д. 21).

⁴⁸ Василий Эдуардович Регель (1857–1932), о нем см.: Медведев И.П. В.Э. Регель как основатель и редактор “Византийского временника” // Архивы русских византистов в С.-Петербурге СПб., 1995. С. 157–180.

дружбе. Преданный Вам Др. Э. ф. Муральт⁴⁹. Интересно и письмо от 21 декабря 1894 г.: «Дорогой друг! Ваше письмо с сообщением о том, что найдены средства и пути для нового издания моей “Хронологии”, меня очень обрадовало, как и то, что у Вас в Петербурге нашелся кто-то, кто готов взять на себя обязанность по переработке. На мою долю, таким образом, приходится лишь передача и корректура французского текста тех дополнений, которые я внес в мой экземпляр (...). То, что я сам не могу вести это редактирование труда, Вы видите из неразборчивости моего письма по причине слабости зрения (...). Капитал, выделенный Академией для издания, пойдет, очевидно, на печатание и гонорар редактора, а для главного автора останется лишь честь быть названным в первую очередь на титульном листе, с добавкой: *avec les compliments de M. L'académien Kounik et du rédacteur M. N.* (...). С наилучшими пожеланиями доброго здоровья к Новому Году Ваш Др. Э. ф. Муральт⁵⁰. К сожалению, смерть Муральта (1895 г., Лозанна) помешала реализации этого плана.

Следует также отметить, что Муральт сам сознавал недостатки своей работы. Еще в предисловии к первому тому (1855 г.) он подчеркивает: “Конечно, нужны еще долгие и разнообразные усилия, чтобы византийская хронография, как отдельная наука, смогла достичь высокой степени совершенства, и прежде всего желательно, чтобы неизданные греческие хроники были опубликованы⁵¹, задача, в разрешение которой сам он внес существенный вклад своим *editio princeps* наиболее важного с точки зрения истории древнеславянской и древнерусской письменности источника – “Хроники” Георгия Амартола (1859 г.)⁵². Издание заняло весь VI том “Ученых записок II отделения ИАН” за 1861 г. (реальная дата выхода в свет) с пояснением И.И. Срезневского, отметившего “заботливое усердие г-на д-ра Муральта, взявшегося за труд и исполнившего его с редким самоотвержением” (см. предваряющий книгу лист без пагинации), и с переводом латинского предисловия Муральта на русский язык, выполненным Иониным (стр. I–XLIX). В основу издания был положен московский список Синодальной библиотеки № 251 (= ГИМ № 406), датирующийся первой половиной XII в.⁵³, но, к сожалению, дефектный (в нем отсутствовало в частности начало, выполненное из мюнхенского списка № 414, присланного немецким историком Г.Л.Ф. Тафелем⁵⁴) и содержащий позднюю, интерполированную редакцию памятника, поэтому со временем возникла потребность в более качествен-

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Л. 26–26 об. (оригинал на немецком, рукописная готика, как и все прочие письма Муральта к Кунику).

⁵⁰ Там же. Л. 27–27 об.

⁵¹ *Murali E. de. Essai de chronographie byzantine pour servir...* P. XXXI.

⁵² *Georgii Monachi, dicti Hamartoli Chronicon ab orbe condito ad annum p. Ch. 842 et a divers scriptoribus usque ad a. 1143 continuatum nunc primum ad fidem codicis Mosquensis, adjecta passim varietate reliquorum codicum nec non Leonis Grammatici et Cedreni et annotatis locis s. scripturae, patrum ecclesiast. et ceterorum scriptorum in chronico laudatis annisque ante et post Chr. n. in margine adscriptis / Edidit E. de Muralto. Petropolis Academiae Scientiarum. MDCCCLIX.*

⁵³ Библиографию рукописи см.: *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 133.

⁵⁴ Отношения Муральта с этим выдающимся знатоком византийской хронографии отнюдь не были идеальными. Так, письмом от 29 мая 1856 г. он просит Куника повременить с отсылкой пробных листов “моего Амартола”, уточнив свою позицию: “Я охотно высказывался за это, полагая, что он выкажет готовность к ответным присылкам из данных ему, в частности одной публичной библиотекой рукописных сокровищ. После того, как он в 1854 г. через меня, а в 1856 г. через Вас получил из московского Кодекса больше, чем я из мюнхенских, дальнейшая передача может быть отложена до того времени, пока не восстановится взаимность” (ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 614. Л. 12).

ном издании “Хроники” Георгия Амартола, что и задумывалось А.А. Куником и В.Г. Васильевским, но было осуществлено К. де Боором (Lipsiae, 1904). Невольно охватывает сожаление при мысли, что и труд ученого не вечен.

Завершает этот подготовительный этап и в то же время открывает новый в становлении петербургской школы византиноведения монументальная фигура уже неоднократно упоминавшегося здесь академика Ариста Аристовича Куника (1814–1899)⁵⁵, ученого поразительного по широте научного кругозора и эрудиции, для которого “византиноведение было не только идеей, но и жизненной задачей”⁵⁶, – “симпатичная, хотя и весьма мало понятная при жизни личность”⁵⁷, “истинный патриарх византиноведения в России”⁵⁸, “немец, почти полностью обрусевший в результате долгого пребывания в русской метрополии, в душе которого оставил свой след славянский отпечаток”⁵⁹.

А.А. Куник не оставил крупных и специальных работ в области изучения истории Византии, предпочитая, по выражению И.В. Ягича, “разменивать свою ученость на мелкую монету”. Самая крупная из них – обширная 10-я глава в основном труде Куника, посвященном варяжскому вопросу в духе норманнской теории⁶⁰, все остальное – это мелкие заметки по частным вопросам из области византийско-русских отношений, в которых он стремился сочетать лингвистику с историей, применять к истории сравнительный лингвистический и критический метод; по хронологии, которой он придавал большое значение, полагая, что она “сдерживает фантазию, открывает и объясняет связь событий” (вместе с В.Г. Васильевским Куник входил в Академию с представлением об издании перечня византийских писем, грамот и вообще документов всякого рода, дабы заложить основу “регеста” Византийской империи⁶¹); обратили на себя внимание его статьи об основании Трапезундской империи в 1204 г., о связи трапезундско-сельджукской войны 1224 г. с нашествием татар на северное Черноморье, о так называемой “Записке готского топарха” (разумеется, А.А. Куник воспринимал этот памятник как подлинный), а также целый ряд блестящих очерков о научных трудах европейских византинистов (Цахариэ фон Лингентала, Тафеля, Муллаха), как и отечественных (Круга, Муральта).

Большое впечатление на общественность и значительное влияние на судьбы отечественного византиноведения оказала программная речь А.А. Куника в историко-филологическом отделении Академии наук 17 октября 1853 г. на тему “Почему Византия доньше остается загадкой во всемирной истории?”⁶². Широкими мазками обозначив основные вехи европейской истории, начиная с падения Западной Римской империи в 476 г., Куник задается вопросом о том, каким образом Византия, этот “восточный Рим”, смог продержаться еще 1000 лет после гибели “своего старшего брата”, и считает, что “причина, очевидно, должна лежать не во внешнем положении столицы, вообще не в матери-

⁵⁵ О нем см.: *Лантева Л.П.* Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард) // *Славяноведение в до-революционной России...* С. 208.

⁵⁶ *Успенский Ф.И.* Из истории византиноведения в России. С. 115.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Понов Н.Г.* Начало византиноведения в России. С. 445.

⁵⁹ *Palmieri A.* L'oeuvre de Kunik et les études byzantines en Russie // *Echo d'Orient.* 1900. Т. 3. Р. 28–29.

⁶⁰ *Kunik E.E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven; Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. SPb., 1845. Abt. 2. S. 321–496.

⁶¹ Черновик записки (автограф Куника) обнаружен нами в протокольных бумагах к заседанию ИФО АН от 19 января 1894 г.: ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2. – 1894. Д. 27. Л. 3–8 об.

⁶² Опубликована в: Уч. записки имп. Академии наук по I и III отделам. С. 423–444.

альном положении дел, а глубже, именно в моральном порядке вещей (...). Падение всех этих государств (имеются в виду Египет, Карфаген, Вавилон, Ассирия, Персия, Эллада. – *И.М.*), равно как и долговечность Византии, очевидно, надо возвести к какому-то обществу, высшему, внутреннему началу, которого в тех недоставало, тогда как последняя не переставала им одушевляться. Это живоносное начало есть – Христианство”⁶³. Проследивая внутреннюю связь византийской истории с историей славян (он говорит о “византийско-славянской группе народов” как параллели народам романо-германским), Куник подчеркивает ее особое значение для истории российской (“Большая половина русской истории не есть ли, говоря вообще, отражение истории византийской?”) и обращается к русской общественности (хотя бы в лице Академии наук) со страстным призывом “освободиться, наконец, от свинцовой тяжести равнодушия к историческому прошлому Византии, бросающему яркие лучи света и на историю России, которой теперь нельзя оставаться праздною в виду научной деятельности Европы, давно уже решившейся разредить мрак, скопившийся над Византией”⁶⁴.

Не ограничиваясь весьма эмоционально выраженными призывами к “благородному соревнованию” с правительствами и учеными таких европейских стран как Англия, Франция и Германия, в которых, “византийские занятия признаны в качестве самостоятельной науки”, Куник предлагает конкретную и, на его взгляд, реальную программу развития византиноведения в России, предусматривавшую первоочередную разработку следующих проблем: 1) Критическая история византийских занятий с XVI в., с особым вниманием к трудам XIX столетия. 2) Издание хранящихся в рукописях византийских историков и других произведений византийской литературы, имеющих историческое значение. 3) Собрание и издание иностранных источников и известий, встречающихся в европейских и азиатских литературах, относительно византийской истории. 4) Библиография византийских рукописей, где было исчислено все наличное богатство манускриптов, хранящихся в разных библиотеках, хотя бы обзор этот составлялся совершенно кратко в виде перечня и выходил в свет мало-помалу по частям. 5) Библиографический обзор источников византийской истории, при руководстве которого впоследствии можно было бы составить полное обозрение источников и литературы византийской истории. 6) Критико-хронологическая обработка византийской истории по частям на основании византийских и иностранных источников. 7) Издание церковно-славянских переводов византийских летописей. 8) Лингвистическое введение к изучению памятников византийской литературы⁶⁵.

Подробно разбирая и комментируя эти пункты, В.Н. Бенешевич в своих лекциях по истории византиноведения вынужден констатировать: “Здесь намечена целая обширная программа работы византиноведной, не осуществленная в полном объеме даже и до сих пор и представляющая поэтому живой интерес для оценки современного (начало XX в. – *И.М.*) положения дела”⁶⁶. Он же (Бенешевич) так оценивает вклад ученого в становление российского византиноведения и *eo ipso* его петербургской школы: “55-летняя деятельность Куника в Академии наук имела решающее влияние на всю постановку византиноведения в России; он не только лично работал без устали, но и умел привлечь других к ра-

⁶³ Там же. С. 426.

⁶⁴ Там же. С. 444.

⁶⁵ Там же. С. 442–443.

⁶⁶ *Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 600.*

боте и направить ее, как человек почина; в его голове (здесь Бенешевич цитирует Васильевского. – *И.М.*) постоянно слагались новые планы и кипели живые мысли, которые он развивал с воодушевлением и жаром; одушевляя других, он долго не остывал и сам⁶⁷.

Тот, кто знакомился с содержанием обширнейшего архива А.А. Куника (он хранится главным образом в Петербургском филиале Архива РАН, фонд 95), безоговорочно подпишет под такой оценкой. Впечатление такое, что в его уединенной квартире академического дома на Васильевском острове, где “погруженный в научную работу, он жил одиноко, как какой-то протестантский монах, в глубине своей богатой библиотеки”⁶⁸, находился чуть ли не эпицентр мировой науки. Именно отсюда исходили многие импульсы и начинания, даже из тех, которые дадут свои плоды гораздо позже, уже после кончины ученого. По его инициативе и при его непосредственном участии создает свои труды по византийской хронографии и издает Георгия Амартола Эдуард Муральт; его посвящает в интимные стороны своей подвижнической жизни знаменитый московский археограф и библиограф В.М. Ундольский, широко используя Куника, как директора БАН, в деле выписки из-за рубежа нужных ему изданий и даже рукописей⁶⁹; Куник первым (во главе специализированной комиссии ИАН) дал квалифицированную оценку фантастической коллекции греческих рукописей Константина Симонидиса, будоражившего ученую Европу своими палеографическими мистификациями⁷⁰; он на протяжении десятилетий ведет ученую переписку с крупнейшим европейским “авторитетом” в области истории византийского права Цахариэ фон Лингенталем, обеспечив его избрание членом-корреспондентом ИАН, побудив того широко публиковаться в изданиях ИАН и добившись от русского правительства финансирования издания самых крупных публикаций немецкого ученого⁷¹; он же (Куник) обратил внимание Академии на труды немецкого византиниста Г.Л. Тафеля, открывшего любопытные исторические материалы и мечтавшего о замене Боннского корпуса византийских источников более совершенным, чему горячо сочувствовал и Куник⁷²; в переписке с другим немецким эллинистом Ф.Г.Д. Муллахом он побуждает последнего заняться подготовкой переиздания греческого глоссария Дюканжа с поправками и дополнениями, обсуждает с ним все детали проекта, надеясь привлечь к этому делу Академию⁷³; молодой Спиридон Ламброс подробно информирует Куника о своих исследовательских планах, также надеясь заинтересовать в них Академию; знаменитый Карл Крумбахер детально обсуждает в переписке с Куником планы “двойного” издания (т.е. греческого оригинала и славянского перевода) в России Георгия Амартола и Симеона Логофета и рекомендует в качестве издателей “моего друга и ученика д-ра Истрина из Москвы” – для славян-

⁶⁷ Там же. Ср.: *Васильевский В.Г.* Арист Аристович Куник (некролог) // ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–632.

⁶⁸ *Бенешевич В.Н.* Лекции по истории византиноведения. С. 603.

⁶⁹ *Медведев И.П.* Письма В.М. Ундольского к А.А. Кунику... С. 803–816.

⁷⁰ *Медведев И.П.* Незвестный каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса // *Рукописное наследие русских византинистов...* С. 537–567.

⁷¹ *Медведев И.П., Таценко Т.Н.* Письмо Цахариэ фон Лингентала в архиве А.А. Куника // *Архивы русских византинистов в С.-Петербурге.* С. 389–429.

⁷² См.: *Куник А.А.* О трудах византиниста Тафеля // *Уч. записки Импер. Академии наук по I и III отделениям.* С. 444–454.

⁷³ *Medvedev I.P.* Kunik and Mullach on the Necessity of a Re-edition of Du Cange’s Glossary (from the Correspondence of the Two Scholars) // *Chrysai Pylai-Zlataja Vrata: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Eightieth Birthday (= Palaeoslavica, vol. X).* Cambridge (Mass.), 2002.

ской версии, и “никого другого, как Карла де Боора”, – для греческой (как известно, оба они впоследствии выполнили поставленную перед ними задачу, хотя и отдельно друг от друга)⁷⁴; именно под руководством А.А. Куника начинается свою работу известная “Порфирьевская комиссия” ИАН по реализации завещания епископа Порфирия Успенского (1804–1885) и подготовке к публикации как его собственных трудов (за это по поручению Куника взялся П.А. Сырку, осуществивший и описание всех бумаг епископа), так и собранных им богатейших коллекций (например, за подготовку издания актов афонских монастырей взялся, также по поручению Куника, В.Э. Регель); и т.д., и т.д. (и это только из “византийского” в деятельности А.А. Куника).

И еще несколько черт в характере и в деятельности А.А. Куника, мастерски обрисованных В.Н. Бенешевичем (он оговаривается в своих лекциях по истории византиноведения, что “пришлось подробно остановиться на личностях и работе Круга и Куника потому, что значение их не только забывают, но и отрицают”): «Сам Куник обладал такой феноменальной памятью, такой широтой знаний и умением пользоваться ими, что менее всех других мог чувствовать отсутствие всех тех пособий, о которых хлопотал. Многие считали его ученым чудачком, типом академической мертвечины в науке, маниаком “толчения воды в скандинавской ступе”, т.е. по варяжскому вопросу. На самом деле Куник понимал историю по Гегелю как “произведение духа” и не считал историей “начертание какой-нибудь войны или каких-нибудь внешних отношений, если не постигнуть идеи, имевшие влияние на внутреннее бытие народа или времени”; задачей “славянской истории” он считал “возвышение ее до идеи” и полагал, что “в простом народе должно преимущественно искать основной элемент первобытной общественной жизни славян”. Трудность истории, осознанная Куником, заставляла его обращаться к изучению частных исторического процесса и притом таких, которые не поддавались усилиям предшествующих исследователей. Отсюда широчайший диапазон научных интересов Куника, но отсюда же и внутренняя связанность его многочисленных трудов, при которой варяжский вопрос получает значение только важного эпизода (...). Историческая критика, подкрепляемая сравнительной филологией, была для Куника символом веры. Религию он отрицал и шел в отрицании далее того, что давали тогда Штраус и Ренан. “Попов” он терпел только ученых, подобно тому, как, будучи резким антисемитом, он и евреев терпел только ученых. Последнее как-то уживалось у него с принципом широкой гуманности. “На национальность я смотрю, как на средство для достижения высшей цели гуманности”, говорил он и не хотел быть немецким пионером в России. В Академии Куник отстаивал принцип, что Академия наук должна быть для русских, а не для немцев, и потому его называли предводителем русской партии в Академии наук. Однако и русским он был не по образцу других. Со времен турецкой войны 1877/8 гг. Куник стал употреблять термин “шовинизм” для обозначения весьма предосудительного образа мыслей: так он называл желание России или русских водрузить крест на св. Софии и утвердиться на Босфоре. “Не нужно заботиться о престиже, сидите смиренно, устраивайте свои финансы, которые теперь у вас так плохи, занимайтесь науками”, говаривал Куник собеседнику, заносившемуся в дали “восточного вопроса” (...). Таков был А.А. Куник, осуществивший в Академии наук пере-

⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 454. Д. 2–5 об. (письмо из Мюнхена от 11 декабря 1896 г.). Ср. к этому: *Поляков Ф.Б.* Карл Крумбахер и Василий Михайлович Истрин. Эпизоды взаимоотношений по материалам Баварской Гос. библиотеки // *Россия и Христианский Восток.* С. 245–253.

ход от “немецкого периода” в истории русского византиноведения к “русскому периоду”. Наравне с Кругом Куник принадлежит к числу тех ученых, труды которых не потеряют своего значения никогда и для IX–X веков имеют особую важность. Среди великих заслуг Куника одна представляется особенно выдающейся, а именно: он сразу отметил высокое значение трудов В.Г. Василевского, с 1878 г. стал принимать шаги к избранию его в Академию наук и в 1890 г. добился этого»⁷⁵.

Разумеется, помимо “немецкого фактора” в первоначальном петербургском византиноведении были и другие, стоит лишь вспомнить имена отца и сына Дестунисов, из которых второй – Гавриил Спиридонович Дестунис (1818–1895) – назван самим В.Г. Васильевским “патриархом” византийских занятий в Петербургском университете, который внес большой вклад во внедрение занятий “византийскими древностями” (т.е. греческой этнографией, языком, литературой, народной поэзией) в систему университетского преподавания. Правда, в его общих культурно-исторических курсах Византия рассматривалась как связующее звено между античной и новой Грецией, поэтому его интерес к собственно истории Византии был весьма ограниченным, как и понимание основных проблем и методов исторического исследования. Лекции его, тем не менее, пользовались популярностью (в представлении историко-филологического факультета Петербургского университета отмечалось, что он “привлекал к себе слушателей, несмотря на специальность своих курсов”) и сыграли несомненную роль в развитии интереса к византийской тематике, в том числе и исторической. В этом смысле “деятельность В.Г. Василевского в университете была во многом подготовлена и облечена той первичной обработкой почвы, которую осуществил Дестунис”⁷⁶. Большой заслугой Г.С. Дестуниса было также осуществленное им издание переводов византийских историков, выполненных еще его отцом, С.Ю. Дестунисом, им “поновленных”, снабженных предисловиями и комментариями. Менее удачна судьба собственных разысканий Г.С. Дестуниса в области византийской литературы: многие из них явно не выдержали испытания временем и безнадежно устарели, как, например, его “Исторические сказания инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских” (СПб., 1858)⁷⁷, “Опыт биографии Георгия Франдзия” (надо: Георгия Сфрандзи)⁷⁸ и др.

Говоря о начальном этапе становления университетской византистики, нельзя забывать и имя историка-эллиниста М.М. Стасюлевича, читавшего с 1852 г. в университете историю средних веков, значительное внимание уделявшего византийской проблематике (на своих “спецкурсах” он разбирал со студентами сочинение Лиутпранда Кремонского “De legatione Constantinopolitana” и

⁷⁵ Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 602–603.

⁷⁶ Курбатов Г.Л. Из истории возникновения отечественной школы научного византиноведения (Г.С. Дестунис) // ПС. 1971. Т. 23(86). С. 189 (весь ценный очерк Г.Л. Курбатова о Г.С. Дестунисе занимает с. 179–191). См. о нем также: Цамутали А.Н. Петербургская школа византиноведения // ВИД. 1991. Т. 23. С. 8; Белоброва О.А. С.Ю. и Г.С. Дестунисы: рукописное наследие // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. С. 22–34; Шукурова А.Э. Из эпистолярного наследия Г.С. Дестуниса: письма к Ф.И. Успенскому // Рукописное наследие русских византинистов... С. 568–573.

⁷⁷ Как показал греческий историк Леандр Врануссис, речь идет о двух “византийских историках, которые никогда не существовали”, см.: *Vranoussis L. Deax historiens byzantins, qui n'ont jamais existé: Comnénon et Proclus* // *Ελετ. Μεσοισων. Ἀρχαίου*. 1962. Т. 12. Σ. 23–29.

⁷⁸ Как показали новейшие исследования, “*Chronicon maius*” Георгия Сфрандзи, которой пользовался и Г.С. Дестунис при воссоздании биографии Георгия Сфрандзи (1401–1478), является подделкой подлинного произведения Сфрандзи.

“Ассизы Иерусалимского королевства”⁷⁹), автора известной монографии “Осада и взятие Византии турками” (СПб., 1854). И тем не менее, если иметь в виду зарождение и становление петербургской школы византиноведения в целом, невозможно не согласиться с выводом, к которому пришел один из первых историков начала русского византиноведения Н.Г. Попов: “Все это было делом ученых иностранцев, стоявших в более или менее близком отношении к Императорской Академии наук приблизительно за первое столетие ее существования”⁸⁰. Более того: связи европейского и петербургского византиноведения были в этот период настолько тесными и органичными, что возникло ощущение, что второе – это лишь филиал первого (иногда, правда, наоборот).

Невозможно не согласиться – еще раз – и с В.Н. Бенешевичем, который считает, что “о немецком периоде в Академии приходится вспоминать с благодарностью”⁸¹. Значение сделанного российскими учеными иностранного происхождения прекрасно понимали и современники. Так, “насквозь русский” В.М. Ундольский, похвально отозвавшись о труде Э. Муральта, делает примечательную оговорку в письме к академику П.С. Билярскому из Москвы от 6 октября 1855 г.: «Как желал бы я, чтобы его (сочинение Э. Муральта “Византийская хронография”. – *И.М.*) рассмотрели все наши лже-патриоты, ожидающие всего от самих себя и безжалостно отвергающие все ученое, когда оно не русского происхождения. Я так и в могиле не расстался бы с Фабрицием, Алляцием, Кругом, Гарлес, Ламбецием и подобными учеными; нет нужды, что они были не русские. Разве не на их памяти Шлёцер и Востоков дали пример и, можно сказать, образец критики-филологии и даже библиографии. Какая мне надобность, что исследования о даках и фраках, о хронологии и пасхалии в многочисленных видах написаны русскими генералами, когда сии мужи написали ужасную чепуху, лезли с ней везде, и теперь ругают чуть ли не всех – что не принимают более их творений?!»⁸². Комментарии, как мне кажется, в данном случае излишни.

---

⁷⁹ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50-ти лет его существования. СПб., 1870. С. 220–221.

⁸⁰ Попов Н.Г. Начало византиноведения в России. С. 447.

⁸¹ Бенешевич В.Н. Лекции по истории византиноведения. С. 603.

⁸² Истрин В.М. Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому... С. 26–27.